

Д.В. Прохоров*

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДНЕГО КЛАССА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье исследуется вопрос об определении таких понятий, как «средний класс», «социальная идентичность» и «социальная идентичность среднего класса», рассматривается проблема соотношения понятий «идентичность» и «самоидентификация». Эта проблема становится особенно острой при анализе социальной структуры общества так называемого «переходного» периода. Следовательно, поднимаемый в статье вопрос актуален для оценки состояния современной России и формирования дальнейшей социально-экономической политики.

В современной российской общественной мысли, публицистике **средний класс** – одно из самых популярных понятий. С каждым годом увеличивается число посвященных его изучению исследовательских монографий, эссе, статей; споры о границах, численности, о самом факте его существования не утихают. Высказываются совершенно противоположные точки зрения: одни авторы утверждают, что в России среднего класса нет вообще или что в лучшем случае имеются лишь его эмбрионы, другие, – что он представляет собой вполне сложившееся социальное образование [1-3].

Для того чтобы извлечь из этих споров рациональное зерно, разобраться в различных концепциях и подходах, необходимо прежде всего определить основную функцию понятия «средний класс». Очевидно, что оно служит для обозначения большой или даже массовой социальной группы. Тем не менее подобные обозначения групп различаются по источникам своего происхождения и характеру своего отношения к реальности. Одни из них естественным образом «рождаются» из повседневного социального опыта и обозначают эмпирически легко различимые феномены; другие появляются в результате концептуально-теоретического, идеологического или даже мифологического осмысления действительности и тем самым относятся к разряду аналитических категорий, будучи предназначены не только для обозначения, но и для интерпретации явлений действительности.

---

* © Прохоров Д.В., 2007

Прохоров Денис Викторович – кафедра государственного и муниципального управления Самарского государственного университета.

На наш взгляд, понятие «средний класс» принадлежит ко второму – **аналитическому** типу категорий. Оно стало употребляться в Западной Европе, когда возникла когнитивная потребность в осмыслении группового членения общества, в котором становление капиталистических отношений разрушало традиционную сословную структуру. Радикальная критика капитализма отвечала на эту потребность разработкой биполярного образа социальной структуры. Наиболее последовательное развитие этот подход получил в ортодоксальном марксизме. Либеральная и либерально-демократическая мысль видела центральный принцип общества модерна не в антагонизме, а в свободной и честной конкуренции, результаты которой определяют общественное положение каждого индивида, в равенстве возможностей. Успех определяется теперь не качественными и функциональными показателями, как при сословном строе (дворянин, купец, крестьянин), а количественными (больше-меньше). Прием такого количественного понимания социальной структуры не сводится исключительно к определению статуса по критерию богатства. Оно носит более глубокий характер, становясь одним из ведущих подходов познания общества – теорией социальной стратификации. Так, по определению классика немецкой социологии Г. Зиммеля, «познавательный идеал – это понимание мира как огромной математической задачи, понимание событий и качественных отличий вещей как системы чисел» [4. С.445]. Соответственно этому подходу образ социальной структуры выстраивается в виде вертикального континуума, в котором отсутствуют какие-либо разрывы и каждая точка в принципе имеет числовое значение. Эта вертикаль может быть разделена на разделы и подразделы (традиция современной англосаксонской социологии: высший средний, низший; высший средний, средний средний, низший средний [5] или на десяти-, двенадцати и т. д. ступенчатую шкалу, используемую в опросах для выяснения самоидентификации респондентов.

Понятие «средний класс» порождено не только познавательными потребностями и общим математизированным стилем мышления эпохи модерна, это еще и символизация некоей идеологической и этической альтернативы биполярному, антагонистическому образу общества. Средний класс в этом смысле становится агентом гармонизации общественных процессов и самого общества. В социально-критической литературе XIX века, например в творчестве Ч. Диккенса, простой, средний человек (клерк, фермер, лавочник, ремесленник) противопоставляется как высшему слою аристократов и крупных дельцов с господствующими в нем бездушными, функциональными отношениями, разрушающими естественные семейные связи, дружбу, любовь, участие, так и низшему, где нищета порождает отчаяние, ненависть, грубость и преступность. Средний человек не беден и не богат, он не стремится к богатству и власти; скромный достаток позволяет ему сохранять личное достоинство и комфорт и в материальном, и в моральном плане [6].

Если в период так называемого классического капитализма изложенные представления о среднем классе относятся больше к социально-этическому идеалу, то капитализм XX в. воплощает этот идеал в социально-политическую

практику, в важнейший стратегический ориентир общественной динамики. Научно-техническая революция, экономический рост и серия социальных реформ привели к значительному росту уровня жизни и социальных прав массовых слоев населения, к ослаблению традиционных классовых конфликтов. В этом новом капитализме «с человеческим лицом» средний класс становится центральной социальной категорией, ведущие политические партии провозглашают себя защитниками его интересов, социальная структура своими контурами дает основания говорить о построении «среднеклассовых» обществ. Среднему классу приписывают роль решающей силы в стабилизации, интеграции и развитии общества, опоры и гаранта демократических и либеральных ценностей. История развитых западных стран в XX веке показывает, что подобные представления, являясь по сути так же, как и в предыдущем столетии, идеологемой, сильно «отягощены» различными упрощениями и преувеличениями.

Так, сознание и поведение средних слоев обусловлены не их «срединным» положением как таковым, а влияющими на их экономический и социальный статус процессами и ситуациями в экономике и политике. Если это влияние негативно, стабилизирующая функция средних слоев и их приверженность демократическим ценностям могут не выдержать испытаний. В период между двумя мировыми войнами мелкая буржуазия составила основную социальную базу для фашистского и нацистского режимов в Италии и Германии. После Второй мировой войны общий характер социально-экономического развития в целом содействовал укреплению положения среднего класса, процессу социальной интеграции западных обществ, распространению ментальности среднего класса. Но и в этих условиях на положении отдельных групп средних слоев (особенно традиционных, мелкобуржуазных, относящихся к т. н. «старому среднему классу») сказались издержки технических и экономических сдвигов и западноевропейской интеграции, а также усиление миграции из стран «третьего мира». Это приводит к тому, что данные группы оказывали и продолжают оказывать поддержку неонацистским и правозэкстремистским политическим течениям. По этому поводу американский исследователь Х. Балзер справедливо отметил, что «даже в индустриальных обществах члены средних слоев не являются автоматически ни состоятельными, ни приверженцами демократии» [7. Р.295]. В последние десятилетия социальные сдвиги, связанные с глобализацией и информатизацией, создают, как констатируется в специальных исследованиях [8; 9], новые угрозы для положения части средних слоев и их роли гаранта стабильности и существующего порядка. Гетерогенность среднего класса делает весьма проблематичным приписывание ему неких единых стандартов ментальности и поведения. Учитывая это, Х. Д. Балзер считает более адекватным употребление этого понятия во множественном числе (средние классы) [7].

То, что понятие «средний класс» относится к аналитическим категориям, используемым в познавательных, идеологических и политических целях, не означает, что данная категория имеет смысловое содержание исключительно в

мышлении специалистов и является неким артефактом, никак не отраженным в общественном сознании. Французский психолог С. Московичи в разработанной им теории социальных представлений убедительно показал, что понятия и знания, выработанные наукой и идеологией, часто становятся первоисточником представлений обыденного, «практического» сознания – они регулируют и ориентируют повседневную жизнь людей, далеко не занятых теми «профессиональными» проблемами, которые стимулировали появление этих понятий. Согласно его теории, носители обыденного сознания не просто усваивают научные и идеологические категории в готовом виде, но трансформируют их в соответствии с собственными потребностями: «социальные представления... – это не механический отпечаток поступивших в индивидуальное сознание извне, с каких-то верхних этажей общественной структуры идей и ценностей, но продукт собственной работы субъектов познания...» [10. С.29]. Отличительной чертой социальных представлений являются их глубокое внедрение на уровне обыденного сознания, воздействие на повседневное поведение, жизненную практику. Таким образом, реальное значение понятия «средний класс» в российском общественном сознании и в жизненной практике россиян определяется тем, в какой мере оно выступает в качестве социального представления, в рамках которого, по выражению С. Московичи, происходят слияние субъекта и объекта, «творческое конструирование реальности», «материализация мысли» [4]. С другой стороны, наиболее распространенное понятие **социальной идентичности** определяется как «процесс распознавания индивидом социальных объектов и определение своего к ним отношения» [11. С.9].

С этой точки зрения проблема **социальной идентичности среднего класса** не может быть сведена к набору статистических данных о доходах, профессиональных и тому подобных характеристиках. Такие данные, разумеется, необходимы, но, на наш взгляд, центральным моментом идентичности среднего класса следует считать характеризующий участников этой группы комплекс представлений о социальной реальности и их месте в ней. Можно сказать, что мера этой специфичности социальных представлений людей, аналитически относимых к среднему классу, т.е. четкость или, наоборот, расплывчатость граней, отделяющих их от остальных социальных групп, позволяет судить об уровне реальной идентичности среднего класса. Важно заметить, что социальная идентичность в этом понимании не тождественна понятию «**самоидентификация**»: первое понятие шире второго и включает его. Любой человек в той или иной форме осознает свой статус, свое место в обществе, однако совсем не обязательно, что он четко относит себя к определенной социальной категории, тем более к такой, которая восходит к научной теории стратификации. Разумеется, большинство опрошиваемых так или иначе отвечает на вопросы социологов, предлагающих им отнести себя к определенной вертикальной страте, представляемой как ступень социальной лестницы (количество таких ступеней задается в каждом исследовании, исходя из его цели и программы, но чаще всего встречается десятибалльная шкала). Однако отнесение себя респондентом к каким-либо стратификационным категориям мало говорит о реальной

значимости этих категорий в структуре самосознания. Респондент может отнести себя к тому или иному слою в ситуации диалога с социологом, но это еще не значит, что проблема такого самоопределения существовала в его сознании до того, как социолог поставил ее перед ним и предложил возможные варианты ответа. Тем более это относится к тому состоянию общества, которое принято называть «переходным».

В условиях социально-экономических и политических изменений социальная идентичность индивида теряет былые свойства «объективной» данности, выливающейся в форме социального происхождения, полученного образования, формальной профессии и т. д. Для «переходного» общества характерны резкое усиление индивидуализации личных судеб, ослабление их зависимости от принадлежности людей к большим социально-профессиональным формализованным группам. Тот факт, что человек является специалистом с высшим образованием, квалифицированным рабочим, администратором, государственным служащим, сам по себе еще не определяет ни уровень его дохода, ни реальный социальный статус, ни стабильность материального и социального положения. Социальная идентичность в этих условиях как бы приобретает заново или заново подтверждается и в большинстве случаев ничем не гарантируется, нуждается в постоянной защите. Следовательно, эта идентичность является еще и показателем той меры, в какой жители современной России решают свою главную проблему – адаптации к социально-экономическим условиям, в которых отсутствуют какие-либо гарантии его материального положения и даже простого выживания.

Таким образом, социальная идентичность «среднего» (т. е. рядового) россиянина – это не столько самоопределение им своего устойчивого места в обществе, сколько отражение опыта и определение возможных перспектив индивидуального адаптационного процесса. Подобным образом понимаемая социальная идентичность является гораздо более сложным образованием, чем отнесение себя к какой-либо страте или группе, так как она включает совокупность представлений и социальных установок, отражающих оценку человеком своих возможностей активного или пассивного приспособления к наличным социальным условиям, его восходящей или нисходящей мобильности либо стабилизации своей ситуации в рамках этих условий. В целом социальная идентичность фиксирует не столько место человека в социальном пространстве, сколько возможности его перемещения в нем, оценить которые можно, лишь сопоставив их с возможностями других.

Библиографический список

1. Аврамова, Е. М. Появился ли в России средний класс? / Е. М. Аврамова // Средний класс в современном российском обществе. – М.: РОССПЭН; РНИСиНП, 2000. – С.21-30.
2. Анурин, В. Ф. Контуры провинциального среднего класса / В. Ф. Анурин // Социологические исследования. – 2006. – №10. – С.3-12.

3. Здравомыслов, А. Г. Несколько замечаний по поводу дискуссии о среднем классе / А. Г. Здравомыслов // Средний класс в современном российском обществе. – М.: РОССПЭ; РНИСиНП, 2000. – С.30-35.
4. Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 556с.
5. Giddens, A. Sociology / A. Giddens. – Cambridge, 1989.
6. Диккенс, Ч. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8 / Ч. Диккенс. – М.: Художественная литература, 1986. – 735с.
7. Balzer, H. D. Conclusion: The Missing Middle Class / H. D. Balzer // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History. – Armonk. – N.Y.: M. E. Sharpe, 1996. – P.293-320.
8. Philips, K. Boiling Point Democrats, Republicans and the Decline of Middle-Class Prosperity / K. Philips. – N.Y., 1994.
9. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ – ВШЭ, 2000. – 608с.
10. Дилигенский, Г. Г. Социально-политическая психология / Г. Г. Дилигенский. – М.: Наука, 1994. – 304с.
11. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Социальная идентичность личности. – М.: ИС РАН, 1993. – Вып.1. – С.7-23.

Статья принята в печать в окончательном варианте 15.12.2006 г.

D.V. Prokhorov

TO THE QUESTION ABOUT SOCIAL IDENTITY OF MIDDLE CLASS IN PRESENT RUSSIA

In the paper the question of conceptions' definition such as "middle class", "social identity" and "social identity of middle class" and the problem of definitions' correlation such as "identity" and "self-identification" are analyzed. This problem is becoming especially critical by the analysis of social structure of so called "transitional" society. Consequently, the question which has been discussed is actual in order to evaluate the present Russia's condition and to form the further socio-economic policy.